

НАКАНУНЕ

НГ Ex Libris (прил. к Независимой) - 2003 - 5 июня - с. 3.

Вне опасности. То есть вне родины

Солженицын, КГБ, АПН и посмертная реабилитация

Наталья Решетовская

28 мая в Москве умерла Наталья Алексеевна Решетовская, первая жена Александра Солженицына. На днях в рязанском издательстве «Поверенный» выходит ее книга «АПН – я – Солженицын». С трагическим (теперь особенно) подзаголовком: «Моя прижизненная реабилитация». Книжка сложная, рвущая душу. Крик женщин всех времен: «Мой милый, что тебе я сделала?» Что до КГБ и АПН, до прототипов и персонажей – все есть там. Разумеется, перед нами взгляд Решетовской, ее видение и ее отношение. Ее показания. Предлагаем вашему вниманию фрагменты из книги.

Очень скоро по западному радио стали читать главы из «Архипелага», в том числе главу «Следствие». Автор очень загадочно написал в ней о том, что не имеет оснований гордиться своим поведением на следствии, просит не бросать камень в тех, кто оказался слаб... А это означало, что в моей книге нельзя пройти мимо этого.

Между тем еще осенью мною по вдохновению был написан этюд о Саннио следствии 1954 года. Я отталкивалась при этом от его рассказов мне, от рассказа о своем следствии Леба Нержина в «Круте» своему другу Рубину, от собственной интуиции. Показала этот этюд Константину Игоревичу. Тот оценил мое воображение, но посчитал такое описание следствия неприемлемым: у меня все, решительно все основано на документах, и вдруг... фантазия?! Тогда я стала перечитывать первые тюремные письма своего мужа, вспоминала недоумение моей мамы при прочтении одного из этих писем: в нем Саня выражал радость по поводу того, что я... на свободе. И у меня родился другой текст.

«Архипелаг» у меня тогда, разумеется, не было, а цитировать его было бы нужно. Константин Игоревич по памяти подсказал мне две цитаты, уверяя, что он точно запомнил их. Оказавшиеся неточными цитаты так, увы, и попали в мою книгу. Моего редактора это не смущало.

«Какое это имеет значение?» – говорил он мне. Я же каждую неточность воспринимала болезненно. У Солженицына в «Архипелаге» написано, что прокурор подполковник Котов разъяснял ему, почему он получил кроме 10-го пункта 58-й статьи (агитация) еще и 11-й пункт: «Один человек – человек, а два человека – люди. Значит – группа!» Я же, положившись на память своего редактора, внесла эту реплику в книгу в измененном виде: «Подполковник Котов разъясняет, что даже полторы, мол, больше одного. А значит – группа!»

«Архипелаг ГУЛАГ» оказался в моих руках только тогда, когда книга моя уже вышла. Весьма слабым утешением служило мне то, что я никому не подарила и не отправила ни экземпляра своей книги, не исправив цитаты.

Это – лишь один пример той небрежности, которую я постепенно начала замечать у своего редактора. Я стала понимать, что отношение к материалу у писателя и редактора совершенно различное, оно отнюдь не украшает последнего. И так я нашла отношения во всех элементах недоброжелательства с моей стороны.

Тем временем у нас в стране началась реакция на выход «Архипелага». В первом сообщении, напечатанном ТАСС 6, 7, и 8 января в нескольких газетах со ссылкой на немскую «Цитировать», название «Архипелаг» не приводится. Речь идет об «очередной антисоветской книге Солженицына», появившейся на Западе «в виде новогоднего подарка».

8 января в «Правде» ТАСС ссылается на чешскую газету «Руде право», где уже не скрывается название «антисоветского пасквиля». Читатели главного

Трудно быть Пророком. Быть рядом с Пророком, впрочем, не легче.

Фото предоставлено «АиФ-суперзвездам»

партийного органа нашей страны из статьи «Торговцы паданцами» впервые узнают, что вышедшая книга Солженицына называется «Архипелаг ГУЛАГ». Рязанская газета «Приокская правда» перепечатывает эту статью уже на следующий день.

Далее ТАСС в «Известиях» и «Правде» со ссылками на австрийскую «Фольксциммер» и польскую «Трибуну людей» публикует статьи «Противники разрядки и их пособники» и «Антисоветская диверсия». Это 9 января. А 13 января «Правда» в статье «Гневное осуждение» подталкивает реакцию коммунистической печати и прессы социалистических стран.

Теперь почва уже подготовлена, нужные формулировки найдены и можно выдать собственную реакцию. Таковая появляется в «Правде» 14 января. Автор – некто И. Соловьев. Заглавие – «Путь предательства». На следующий же день статья эта перепечатывается другими газетами и уж, конечно, нашей «Приокской правдой».

Отщепенец... Предатель... Клеветник... Но читатели наших газет должны задаться вопросом: о чем же все-таки и в первую очередь повествует «Архипелаг»? Пока не ясно. Совсем не ясно. И Солженицын берет за это разъяснить. 18 января он делает заявление, в котором, как он сам выразился в «Тележке», «ответил на самые занозистые и

Механик Свиридов из Москвы мог бы, пожалуй, не вкладывать в конверт никакого письма, ибо все, что он хотел сказать, ясно уже из надписи на конверте: «Рязань. Предателю, платному агенту антисоветских зарубежных организаций Солженицыну А. (автору «Архипелага ГУЛАГ»).

И прямо противоположное мы прочтем на открытке с изображением Рязанского почтамта, хотя открытка послана жителем Московской области: «Уважаемый т. Солженицын! Крепко жму Вашу руку, восхищаясь мужеством, с каким Вы боретесь за свободу и правду. Нет слов, чтобы передать мое возмущение по поводу гнусной статьи Соловьева. Не верьте этой брехне. Вас любят и понимают наши люди».

19 января Солженицын дает короткое интервью американскому журналу «Тайм». Он отмечает бесполезность обращения к нашему правительству, к нашим вождям. Обращался Григоренко, обращался Сахаров, обращался он сам, да и многие другие. Бесполезно: «ответов не было, только карательные». Остается одно: обращаться к своим читателям, к своим соотечественникам, и особенно к молодежи. Совет ей только один: отказаться ото лжи, не участвовать во лжи.

Корреспондент «Тайм» спросил Солженицына, как, он пред-

числе других высказался и писатель Рудольф Гамзатов, закончивший так: «Пусть отправляется туда, где ему хорошо. Без него мы строили нашу жизнь и создали нашу культуру. Без него и подобных ему обойдемся и теперь».

Однако жизнь Александра Исаевича, несмотря на буйство антисолженицынской кампании, определялась не ею. Не знаю, работал ли он в это время над «Узлами», но, судя по дате, названной в опубликованном им в 1981 году в сборнике «Публицистика», он писал статью «Образованщина», в которой продолжал ратовать против лжи, против участия во лжи. Он задается вопросом, в чем состоит наш экзамен на человека, и отвечает: «Не лгать! Не участвовать во лжи! Не поддерживать ложь!» Он призывает к этому молодежь, призывает всех! Однако рецепта, как исправлять содеянную ложь, Солженицын не дает, как будто отказ от нее все расставляет по своим местам, будто после той, бывшей лжи не осталось жертв!

В феврале Александр Исаевич закончит еще и статью, посвященную этому вопросу – вопросу о необходимости отказа ото лжи. Назовем он ее «Жить не по лжи» и поставит под ней дату 12 февраля – переломную дату своей жизни. (29 лет назад такой же перево-

А через какое-то время, в тот же день, услышала, что Виткевич сказал американскому корреспонденту «Крисчен Сайенс Монитор», что Солженицын оклеветал на следствии «не только своего друга, но и собственную жену»?!!!! «Свидетельство тому – фотографии допросов Солженицына, датированные 26 февраля и 5 апреля 1945 года, которые были показаны Виткевичу компетентными инстанциями».

Радиостанция «Свобода» в тот же вечер зачитала отрывок из «Архипелага», из которого явствовало, что Виткевич, как и сам Солженицын, был арестован на основании данных из их фронтальной переписки. А значит, вины Солженицына здесь никакой нет! Забегая вперед, скажу, что, когда у меня, спустя полгода, восстановятся контакты с Виткевичем, прерванные еще в канун 1965-го, на мой прямой вопрос, к нему обращенный, посадили бы его, веда себя Саня на следствии иначе, Виткевич не задумываясь ответил: «Да». Так что абсолютно прав был Солженицын, который в своем заявлении от 2 февраля сказал: «...отлично знает он (Виткевич – Н.Р.), что от моих показаний не пострадает никто, а наше с ним дело было решено независимо от следствия и еще до ареста: обвинения взяты из нашей подцензурной переписки (она фотографировалась целый год) с бранью по адресу Сталина и потом – из «Резолюции № 1», изъятый из наших полевых сумок, составленной нами совместно на фронте и осуждавшей наш государственный строй».

Заявление Солженицына от 2 февраля было не только опровержением предьявленного ему Виткевичем обвинения. В нем звучала отчаянная попытка разъяснить своему народу, о чем его «Архипелаг».

И вот 30 января у меня в доме в Рязани корреспондент французского «Фигаро» Робер Ляконтр. Его вопросы были привезены мне Константином Игоревичем накануне вечером. Я не почувствовала необходимости давать письменные ответы, ибо, во-первых, ни один вопрос не показался мне слож-

снью по западному радио о телефонных звонках на квартиру Светловой с угрозами семье, о «войне нервов».

Естественно, что все это находило свое отражение и в моих разговорах с редактором во время его наездов в Рязань. Он даже спросил меня как-то, не хочу ли я дать интервью какому-нибудь западному корреспонденту. Одновременно это послужило бы хорошей рекламой моей будущей книги. Но я наотрез отказываюсь: в такой момент думать о рекламе своей книги! Использовать этот момент?

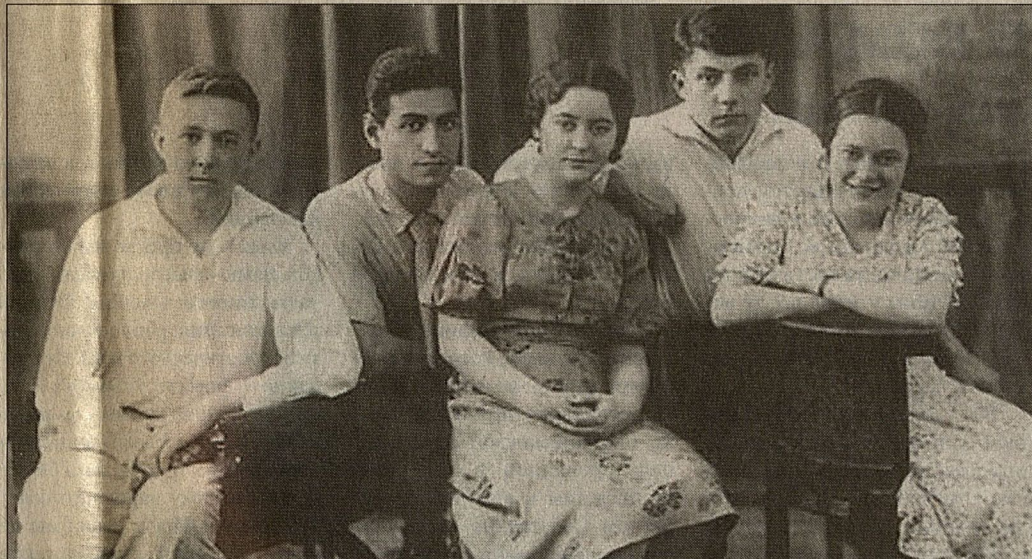
Как-то я Константино Игоревичу привела тот аргумент, который приводила в свое время московскому представителю Госбезопасности, а именно: что Александр Исаевич считает свой «Архипелаг» лишь «опытом художественного исследования» и вовсе не претендует на то, что написанное им является истинным в последней инстанции.

Почему же вы отказываетесь дать интервью? Это очень интересная и свежая мысль.

Об этом я сказать могу, – согласилась я.

Мне казалось, что так я смогу защитить Александра Исаевича – защитить от государства, от ГБ, даже от него самого. Что в подобного рода защите он вряд ли нуждается – мне тогда и в голову не приходило. Страх за него, за его жизнь, страх, что нас ожидает вечная разлука, заслонял все прочие соображения.

И вот 30 января у меня в доме в Рязани корреспондент французского «Фигаро» Робер Ляконтр. Его вопросы были привезены мне Константином Игоревичем накануне вечером. Я не почувствовала необходимости давать письменные ответы, ибо, во-первых, ни один вопрос не показался мне слож-

Студенты (слева направо): А.Солженицын, К.Симонян, Н.Решетовская, Н.Виткевич, А.Ежурец.

Фото предоставлено «АиФ-суперзвездам»

«Газетная кампания направлена против нашего народа, против нашего общества: ослепить, ошеломить, испугать и отвлечь отнюдь от старых преступлений. Но судорожно, не в страхе животном решились стоять за ложь до конца, обороняться газетными бастионами».

Солженицын объясняет, что книга его «не памфлет, но зов к раскаянию». А заканчивает так: «Я никогда не сомневался, что правда вернется к моему народу. Я верю в наше раскаяние, в наше душевное очищение, в национальное возрождение России».

В том тексте заявления, которое Солженицын приводит в Приложении к «Тележке», я не нахожу того, что имело отношение ко мне и о чем слышала в то время по западному радио: «Солженицын высказывает опасение в связи с тем, что его бывшей супруге писать мемуары помогают официальные организации».

А эта «бывшая супруга» весь январь полна тревоги за своего неверного. Уже 7 января, вероятно, еще не ведая, что накануне начались нападки на Александра Исаевича, я записала в своем дневнике: «Почему-то очень тяжелое настроение. Много плачу».

А дальше – и вообще, статья за статью, нападки за напаздками:

нм, требующим обдумывания, а во-вторых, я озабочена тем, чем мне уготовил корреспондент, который прибудет ко мне из Москвы. Приготовленные мной из кашановой папеты даже попадут на страницы «Фигаро».

Вопросы Ляконтра меня вполне устраивали. Первый вопрос действительно способствовал рекламе моей книги («Правда ли, что вы написали книгу о Солженицыне?»). Второй («Ваше социальное происхождение?») позволял мне наконец-то возразить журналу «Штерн» (упомянутый который, впрочем, я не собиралась), просто рассказать о своем «социальном происхождении», чтобы опровергнуть то, что писалось в этом журнале с легкой руки потерявшей память Ирины Ивановны Щербак. Наконец, вопрос «Что вы знаете об «Архипелаге?» позволял мне развить мысль, ради которой я и согласилась на интервью.

Самым щепетильным был вопрос, что я думаю о газетной кампании, обвиняющей Солженицына в антисоветизме. Но и он не смущал меня. Не Солженицын виноват в своем нынешнем настроении, а те, кто воспринимал публикации его произведений на родине. (Когда статья после напечатания в «Фигаро» будет переводиться в АПН с французского, переводчик этой мой отзыв обойдет.)

С Ляконтром мы разговаривали при двух магнитофонах, как это было и тогда, когда я давала первое в своей жизни интервью 2 марта 1973 года. Эта

лента у меня сохранилась, и мне не было бы стыдно дать ее послушать кому угодно, если бы... если бы не один очень серьезный просчет.

Говоря о том, что «Архипелаг» писался на основе того, что рассказывали Александру Исаевичу однолагерники, а потом еще и бывшие ээки, я неосторожно подхватила подсказанный мне моим редактором термин: «лагерный фольклор». Термин этот, конечно, ошибочен. Но я поняла это много позже. Я употребила его, разумея под «фольклором» рассказанное Александру Исаевичу, но ни в коем случае не выдуманное.

Очень сожалею об этой своей ошибке, которую Александр Исаевич мне не простил (об этом есть в IV Дополнении к «Тележке»), и не знаю, простит ли после этих моих разъяснений. Не знаю, поймет ли он, простит ли он мне эту отчаянную попытку в накаленной атмосфере травли смягчить его «вину» перед государством. «Архипелаг» – это «опыт художественного исследования». Только опыт! Только попытка! Пусть и другие пишут! Пусть делают свои попытки! И еще: ведь художественное, а не научное исследование! Значит, автор не претендовал и не претендует на то, что добыл истину в последней инстанции! А значит, он не заслужил преследования за «Архипелаг»!

Конечно, я тогда переоценила свои возможности. Ведь я надеялась, что моя подсказка будет подхвачена государством! Но этого не произошло и, вероятно, не могло произойти, даже если бы я дала свое интервью на месяц раньше, а не тогда, когда судьба Солженицына была уже, по-видимому, предопределена.

Зато газета «Фигаро», напечатавшая 5 февраля мое интервью

можность, что дело может принять серьезный оборот...»

11 февраля я услышала, что в этот день на московскую квартиру Солженицына была принесена вторая повестка, на этот раз заставшая там Александра Исаевича. Он тут же написал записку и передал ее с разносчиком повесток. В записке говорилось, что он не явится «ни на какой допрос в каком бы то ни было государственном учреждении из-за полного и всеобщего беззакония, царящего много лет в нашей стране. Прежде, чем требовать у граждан, чтобы они повиновались закону, научитесь сами повиноваться законам!»

Ужас обуял меня, сморщил меня, ужас и ожидание чего-то страшного. Ответ Александра Исаевича прокуратуре был столь дерзок, что можно было ожидать чего угодно. И уж, конечно, меня не могло тешить то, что в «Фигаро» напечатано мое интервью. В тот же день в АПН получен запрос на мои мемуары от итальянцев, что некоторое время тому назад в Америке улетела моя пробная глава «Тихое житье», а из Франции пришла даже телеграмма – просят мои мемуары.

12 февраля вечером ко мне зашла по делу дочка моей приятельницы Иранды Гавриловны Дружининой. Она была еще у меня, когда я включала «Спидолу» и услышала: «Сегодня в 4 часа дня арестован писатель Александр Солженицын».

Присутствие юного существа заставило меня сдержаться, спрятать свои эмоции.

Этого следовало ожидать, этого следовало ожидать после той дерзости, которую он позволил себе накануне, – твердила я про себя, сжав губы.

На следующее утро мне позвонил Вячеслав Сергеевич, справился о моем самочувствии и сказал, что они с Константином Игоревичем сейчас выезжают ко мне в Рязань.

...Испугались, чтобы я не сделала чего-нибудь предосудительного? Или... чтобы не покусилась на свою жизнь?

Среди дня они были уже у меня.

Наталья Алексеевна, он сам виноват! – первое, что сказал мне Вячеслав Сергеевич.

Я знаю, что сам виноват, что был дерзок сверх всякой меры. Пробы у меня сколько-то и, по-видимому, успокоившись, Вячеслав Сергеевич тою же апэновской машиной (в Рязани пройдет слух, что это Солженицын презрел ко мне прощаться!) уехал обратно в Москву. А Константин Игоревич остался. На ша с ним работа над книгой еще не была закончена. Поработаем! Ведь жизнь-то продолжается.

Уже потом, когда я узнала, что 12 февраля поэт Евтушенко звонил в КГБ и послал телеграмму Брежневу с протестом против ареста Солженицына, что какую-то форму протеста выразил писатель Войнович, очень скоро полатившийся за это исключением из членов СССР, я поняла, что меня хотели держать под наблюдением, чтоб я не наделада «глупостей».

Вечером я, как обычно, включила «Спидолу». Константин Игоревич в это время был в другой комнате... Он вошел как раз в тот момент, когда передавали, что Солженицын прибыл во Франкфурт-на-Майне.

Уж... вне опасности. Но и... вне Родины.

15 февраля в газете «Советская Россия» было опубликовано сообщение ТАСС: «Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен (слово-то какое! – Н.Р.) за пределы Советского Союза Солженицын А.И.

Семья Солженицына может выехать к нему, как только сочтет необходимым».

Вот когда рассекса наш гордый узел! Светловый разрешаю следовать за ним. Я же останусь по эту сторону. Когда-то нас разделяла ключая проволока. Теперь – навеки – граница. ■

304

304